

УДК 321.01

А.А. Чемшит, д-р політ. наук, професор**И.Ш. Шенгелая, канд. филос. наук, доцент***Севастопольский национальный технический университет,**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ПОЗДНИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ
ЕВРАЗИЙСТВА**

Анализируются идеи поздних славянофилов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и В.И. Ламанского, предвосхитившие ряд параметров геополитической концепции евразийцев XX века.

Ключевые слова: *евразийство, Запад, поздние славянофилы, Россия, цивилизационный процесс.*

Евразийство – примечательное течение русской социально-философской мысли, сложившееся в европейских центрах русского зарубежья (София, Белград, Прага, Берлин, Париж) в начале 20-х годов XX века и завершившее свое организационное существование к середине 30-х годов того же века. С самого начала позиция евразийцев (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева и др.) имела ярко выраженную геополитическую направленность. Оценка ими геополитического положения России как доминирующего над Восточной Европой и азиатским «подбрюшьем» фактически совпадала с концепцией англичанина Хэлфорда Макиндера – «Сердце мира» («Heartland»), тождественного евразийско-российскому массиву с аналогичными геополитическими выводами.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что идеи родственные высказанным евразийцами 1920-30-х годов были озвучены уже в XIX веке в процессе мощного подъема самобытной русской философии, особенно в таких ее вариантах как славянофильство и почвенничество. Именно в этих течениях русской мысли наиболее полно и ярко разворачиваются мотивы «Русской идеи», восходящие к емкой формулировке «Москва – третий Рим», данной монахом Филофеем еще в конце XV века. Символ-понятие «Русская идея» раскрывает своеобразие русской цивилизации и русской культуры, национальной и мировой судьбы России, роль православия в христианском преображении человечества и увязывает все это с выполнением русским народом и российской государственностью особой миссии – хранителей истинной веры.

В философском наследии ранних славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, И.С. и К.С. Аксаковых) мощно заявляет о себе дух «русского мессианства», восходящий к идее старца Филофея «богоизбранности» русского народа и мифологеме «Святой Руси», сложившейся к концу XVI века. Они дали жестко-негативную оценку деятельности Петра I, отказавшегося, по их мнению, от следования этим идеалам и подвигнувшего Россию на самоосуществление по западному пути. Славянофилы настаивали на радикальном отличии России от цивилизации Запада, по выражению Ю.Ф. Самарина – «противопоставлении цивилизации западно-европейской, или католико-протестантской, цивилизации православно-русской» [1, с. 495].

Основополагающие признаки самобытности России славянофилы находили в общине, самодержавии, православии, народности. Корневым для выявления этой самобытности выступал у них принцип общинности, который славянофилы проводили как антитезу западноевропейскому индивидуализму. Принцип общинности являл собой социальный план, разработанной А.С. Хомяковым идеи православно-церковной соборности. Церковный Собор, согласно Хомякову, есть выражение идеи «единство во множестве»: «Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в живом теле» [2, с. 3].

Для восточных славян, согласно славянофильским установкам, приоритетным является достижение внутренней целостности, а не отстаивание гражданских прав. Русская «правда» противопоставляется западному «закону». Бюргерская цивилизация Запада не может служить примером для земледельческой цивилизации славянского Востока.

Почвенники (А.А. Григорьев, М.М. и Ф.М. Достоевские, Н.Н. Страхов) в отличие от ранних славянофилов отказались от идеи русского мессианизма. Народ, по мнению А.А. Григорьева, вовсе не обязан выступать с какой бы то ни было всемирно-исторической миссией, ибо не может быть народ некоей «переходной формой» к будущим счастливым поколениям. Народное начало, которое определяет близость родной почвы автономно и самоценно. Отвергая идеализацию славянофилами крестьянской общины, Григорьев находит высший духовный смысл в «органической целостности» всех сторон народной жизни – бытовых, характерологических, религиозных, нравственно-эстетических, экономических и политических. Вместе с тем почвенники, так же как и их предшественники настаивали на принципиальной рассогласованности путей социально-политического развития России и Запада.

В 1863 году в печатном органе почвенников журнале «Время» была опубликована статья Николая Николаевича Страхова «Роковой вопрос», в которой автор осмысливал причины и характер, разразившегося в том году, восстания польской шляхты против российского владычества. Эта публикация вызвала крайне негативную реакцию, как в правительственных инстанциях, так и в общественных кругах, причем и консервативных, и либеральных. Журнал был закрыт без права

восстановления деятельности. Критики обвиняли Страхова в полонофильстве, признании права Польши на самостоятельную государственность и тем самым предательстве политических интересов России. Такие обвинения были предъявлены автору «Рокового вопроса», в частности, крайним консерваторм М.Н. Катковым и славянофилом И.С. Аксаковым. Единственным, кто смог оценить глубину и философско-историческую оригинальность позиции Страхова и поддержать его был другой славянофил Ю.Ф. Самарин. Дело в том, что, анализируя причины восстания, Страхов, акцентировал внимание не на национализме, космополитизме и сепаратизме шляхты, а на цивилизационном противостоянии Польши и России. Не разделяя панславистских пристрастий многих своих современников, русский мыслитель был убежден, что Польша не является органическим представителем славянского мира, а представляет собой часть западной цивилизации. Другое дело, что цивилизационные основы Запада носили для Польши «заемный» и «внешний» характер. Главное открытие Н.Н. Страхова заключалось в его утверждении – с Польшей «борется и соперничает не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация» [3, с. 45]. Современный комментатор сочинений Н.Н. Страхова А.В. Белов имел все основания считать, что именно Страхов первым «обратился в своей философии истории к цивилизационному подходу». При этом «он сформулировал только общие идеи этого подхода». Через шесть лет Н.Я. Данилевский, которого обычно относят к поздним славянофилам, «создал разработанное учение о культурно-исторических типах». Близость позиций двух великих русских мыслителей «помогла Страхову стать горячим сторонником этого учения, а после смерти Данилевского – энергичным защитником его взглядов от клеветнических нападок В.С. Соловьева [4, с. 517-518].

Книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» по праву является одной из самых знаковых в истории русской историософской мысли, предвосхитив будущие теоретические построения О. Шпенглера и А. Тойнби в своей целостной теории культурно-исторических типов общества. Но в данной статье нас, прежде всего, интересуют геополитические аспекты этой теории. Высказанное Н.Н. Страховым мнение о неизбежности и неиссякаемости конфликта между западной и русской цивилизациями Данилевский доработал до тезиса о принципиальной враждебности Запада России. Озвученная популярным в XIX веке немецким историком Карлом фон Роттеком в его «Всеобщей истории» мысль о том, что «всякое преуспевание России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества», представляет собой, по мнению Данилевского, «выражение общественного мнения Европы». Что является собой Россия для Запада? Это – «гасительница света и свободы, темная мрачная сила, политический Ариман» [4, с. 58-59].

Смеем высказать предположение, что сам отход Данилевского от общепринятых на тот момент представлений о существовании мировой общечеловеческой цивилизации и выход на идею дробности цивилизационного процесса, был вызван к жизни именно тем, что только западная цивилизация предъявляла тогда свои права на общемировой статус, рассматривая мир за своими пределами как в лучшем случае недоцивилизированный, а значит с необходимостью становящийся объектом цивилизационной экспансии Запада. В политических реалиях второй половины XIX века лишь российский «хартленд» и японские острова оставались преградой на пути этой экспансии. Н.Я. Данилевский не только отказывает Западу в его тождественности общечеловеческой цивилизации, но за якобы «культуртрегерскими» претензиями четко различает геополитические притязания на политический, экономический, идеологический контроль над планетой.

Безусловно, на росте антизападных настроений в среде патриотической российской интеллигенции сказались горькие уроки Крымской войны 1854-1856 гг., в ходе которой «прогрессивные» Англия и Франция обрушились на Россию в союзе с архаично-феодальной Турцией с явного одобрения остальных западных государств, в том числе Австро-Венгерской империи, незадолго до того спасенной от развала в ходе революционных потрясений 1848 года российскими штыками. Противостояние Западу в славянофильско-консервативных кругах общественности за единичными исключениями (Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев) сопровождалось пробуждением идей панславизма, осознанием необходимости объединения в единую государственность братских славянских народов, большинство из которых жили под иноземным владычеством – турецким, австрийским, немецким. Одним из наиболее активных пропагандистов идеологии панславизма стал Н.Я. Данилевский. Он был убежден: «Всеславянский союз есть единственная твердая почва, на которой может возрасти самобытная славянская культура» [4, с. 475].

Внутренние счеты, внутренняя борьба, по мнению Данилевского, рано или поздно будут преодолены западноевропейским сообществом. Данилевский прогнозирует объединение Европы в единую межгосударственную целостность с учетом турецких, мадьярских, польских, греческих и румынских, по его выражению, «пособников». При этом Европа «своими политическими и цивилизационными соблазнами до того выветрит самую душу Славянства, что оно распустится, растворится в европействе и только утучнит собой его почву» [4, с. 481]. Россия не должна входить в это объединение, даже в качестве «одной из великих европейских держав». Спасение России в геополитической оппозиции Западу: «Россия не иначе может занять достойное себя и славянства место в истории, как став главой особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности» [4, с. 475].

Откровенная враждебность западной цивилизации к русской, но также и к другим незападным цивилизациям неизбежно обернется цепочкой конфликтов с ними, в том числе военных. Фактически

Данилевський передполагає своє оригінальне трактування «столкновения цивилизаций» – ідея, сформульована А. Тойнбі в началі 50-х гг. ХХ століття і дороблена до теоретическої концепції С. Хантінгтоном в конці 80-х гг. Но якщо Хантінгтон вважає, що основним імпульс «разлома» і «столкновения» цивілізацій ісходить від відсталых цивілізацій Востока, в першу чергу ісламської, то Данилевський полагає, що основним ініціатором цього столкновения виступає Запад з його агресивним експансiонізмом. Расправа стран НАТО с православной Сербией, иракская и афганская военные кампании, антииранская истерия подтверждают справедливость предсказаний русского мыслителя более чем через столетие после того, как они были высказаны.

Столицей всеславянской федерации, по мысли Данилевского, призван стать, освобожденный от мусульманского владычества, Второй Рим – Константинополь, в славянской трактовке – Царьград. Идея отвоевания Константинополя у Турции была горячо поддержана К.Н. Леонтьевым. Но будущее Царьграда он видел как церковного центра Российской империи и оплота ее геополитических интересов в контроле над проливами Босфор и Дарданеллы. Леонтьев крайне скептически относился к концепту панславизма в целом. Оказание помощи южным славянам в избавлении от мусульманского ига он считал моральным долгом России. Однако присоединение к России славянских племен Юга и Запада полагал нежелательным ввиду внутренних установок этих народов на демократический эгалитаризм и проевропейский космополитизм. При этом он констатировал предубежденность и конфликтность в отношениях даже между южнославянскими нациями, в частности – болгарскими и сербами, последующим подтверждением прозорливости Леонтьева стало союзное участие Болгарии на стороне Германии в двух мировых войнах по другую сторону фронта против России и Сербии. Основной идеей Леонтьева был противоположный панславизму «византизм» – организация крепкой и устойчивой российской государственности по византийскому образцу. Более того, он считал необходимым сохранение сильной Турецкой империи (с перенесением ее столицы в Малую Азию) в качестве возможного геополитического союзника России в борьбе с либеральной западной цивилизацией.

Россию К.Н. Леонтьев рассматривал как особую «оригинальную славяно-азиатскую цивилизацию». Именно в нем евразийцы ХХ століття Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий видели своего прямого предшественника. Впрочем, евразийцы находили определенный источник своих концептуальных построений и в теории «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского, считая введение евразийского культурно-исторического типа своим продолжением этой теории [5, с. 291]. Вернемся к Леонтьеву. В его трактовке русская нация есть «из всех славянских наций самая неславянская и в то же время самая славянская». В первом случае фиксируется коренное отличие русских «по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю» от всех других славян; во втором случае, обращено внимание, на те качества русской нации, которые были не свойственны ни европейцам, ни азиатам в чистом виде, но создают новую качественную евразийскую славянскую этическую общность. В этом подлинная историческая миссия русских: «только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатско-туранской нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое» [6, с.608]. Мысль Леонтьева о «плодотворности туранской примеси в нашу русскую кровь» прямо перекликается с одной из основополагающих идей евразийства, изложенной в знаменитой статье Н.С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре». В качестве «туранских», или «урало-алтайских» народов, Трубецкой рассматривал несколько этнических групп, важнейшими (и наиболее многочисленными) из которых были народы финно-угорские и тюрки. По мысли Трубецкого, «сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории», и, следовательно, «для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента» [7, с. 141].

Но, пожалуй, наиболее близко в своих трудах к идеям, представленным позднее евразийцами, подошел выдающийся русский ученый и мыслитель В.И. Ламанский (1833-1914), основательно забытый в советское время. В.И. Ламанского несомненно, наряду с Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, следует отнести к поздним славянофилам. Он был искренним поборником идеалов панславизма, но в отличие от вдохновенного пафоса Н.Я. Данилевского в своей разработке мотивов культурной, языковой, характерологической общности славянских наций опирался на строгие научные доводы, поскольку был не просто славянофилом, но крупным ученым-славистом, основоположником исторической школы славистики. При этом в трудах Ламанского весьма заметна геополитическая акцентуация.

Уже в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» 1860 года В.И. Ламанский выделяет «две главные действующие группы народов» в Европе «мир романо-германский» и «мир греко-славянский», характерные особенности и несогласия которых четко обозначились еще с IX століття в силу религиозного размежевания на западное христианство (католицизм) и восточное христианство (православие), что неизбежно привело и к военно-политическому противостоянию. Эта концепция в дальнейшем утверждалась и развивалась в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», успешно защищенной в 1871 году. В своих диссертациях он обосновал географическую противоположность двух миров – преобладание «материка» над «берегом» на греко-славянском Востоке, громадность простора которого необходимо породила единое государство с обширной территорией, в то время как «раздельность географических условий» романо-германского мира на Западе предопределило невозможность создания единого государства. Здесь сложилась политическая реальность шести основных стран, которые по очереди претендовали на

политическое лидерство в Европе. По сути уже в этих своих работах Ламанский на сорок лет опередил Х. Макиндера с его выделением материкового «Хартленда» и берегового «Римленда».

Главным геополитическим сочинением В.И. Ламанского стала его монография «Три мира Азиатско-Европейского материка», опубликованная в 1892 году. В этой книге он рассматривал уже три геополитические градации: «1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, то есть настоящая Европа и настоящая Азия» [8, с. 185]. Этот «средний мир» фактически совпадает у Ламанского с географической территорией и политическим границами Российской Империи. В сущности, это видение тождественно геополитическому кредо евразийцев, сформулированного П.Н. Савицким: «Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир» [9, с. 297]. Аналогично Ламанскому Савицкий называет Россию «срединным государством». Евразиец прямо указывал на авторство В.И. Ламанского в выдвижении самой этой идеи, оставляя за собой и своими соратниками применение термина «Евразия» для обозначения геополитического положения России [10, с. 82.]. Подробное описание Ламанским географических условий российского «среднего мира» со всеми вытекающими из них историческими, политическими, культурными особенностями развития России не просто перекликаются, но зачастую прямо совпадают с тем, что было дано в трудах П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского и других евразийцев, разве что последние, естественно, учитывали новые политические реальности «большевизации» российской Евразии.

В заключение стоит отметить, что богатство идей научного наследия В.И. Ламанского заслуживает самого пристального их изучения, в том числе политологами и историками. Многие особенности политической истории XX века станут понятнее, если обратиться к их истокам, получившим детальное освещение в его работах. Так, им было, по сути, предсказано провоцирование Германией мировых военных конфликтов. Причем, главную их причину Ламанский видел в жажде Германии территориального приращения в первую очередь за счет аннексии западных и южных российских земель для сотворения прочного центрального (срединного) геополитического статуса для господства над миром.

В целом, можно отметить, что чрезвычайно высокий мыслительный уровень трудов поздних славянофилов – Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.И. Ламанского – безусловно, обеспечит им благодарного читателя и исследователя и сегодня, и в будущем.

Библиографический список использованной литературы

1. Самарин Ю.Ф. По поводу мнения «Русского Вестника» о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации / Ю.Ф. Самарин // Православие и народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 477–501.
2. Хомяков А.С. Церковь одна / А.С. Хомяков. — М.: Изд-во «Дарь», 2005. — С. 3–47.
3. Страхов Н.Н. Роковой вопрос / Н.Н. Страхов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 37–50.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 12–612.
5. Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 279–294.
6. Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство. — М.: Эксмо, 2007. — С. 602–669.
7. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — С. 141–161.
8. Ламанский В.И. Три мира Азиатско-Европейского материка / В.И. Ламанский // Геополитика панславизма. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 183–323.
9. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 295–303.
10. Савицкий П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 81–98.

Поступила в редакцию 11.10.2010 г.

Чемшит О.О., Шенгелая І.Ш. Пізні слов'янофіли: геополітичне передчуття євразійства

Аналізуються ідеї пізніх слов'янофілів М.Я. Данилевського, К.Н. Леонтьєва і В.І. Ламанського, що вплинули на ряд параметрів геополітичної концепції євразійців ХХ століття.

Ключові слова: євразійство, Захід, пізні слов'янофіли, Росія, цивілізаційний процес.

Chemshit A.A., Shengelaya I. S. Late Slavophiles: Geopolitical Presentiment of the Eurasian Movement

Ideas of the late Slavophiles Danilevskiy N.Y., Leontiev K.N., and Lamanskiy V.I. are analyzed. The ideas had anticipated a number of parameters for the geopolitical concept of Eurasian people of the XXth century.

Keywords: Eurasian movement, West, late Slavophiles, Russia, process of civilization.